

БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. Ермичёв

К ВЫХОДУ В СВЕТ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ТОМОВ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ С. Л. ФРАНКА

1

(Франк С. Л. Полное собрание сочинений. Т. 1: 1896–1902 / под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. — 718 с.)

Чуть ли не на днях в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета вышел первый том работ С. Л. Франка из задуманного полного собрания его сочинений из 18–17 томов. Предполагается, что первые шесть томов обнимут все, опубликованное философом в доэмигрантский период с 1896 по 1922 г., а следующие десять–одинадцать томов — то, что появилось в эмиграции, а также напечатанное уже после кончины мыслителя. Но и это еще не все. На три-четыре тома потянут архивные материалы С. Л. Франка, его рукописи разного рода. Наконец, сверх того, еще в трех-четырех томах выйдет переписка философа. Получается, по задуманному, действительно полное собрание сочинений — около 25 томов. Такое даже помыслить невозможно... Впрочем, дай Бог!

Первый том — это статьи и рецензии 1896–1899 гг., работа «Теория ценности Маркса и ее значение» 1900 г. (Франк — легальный марксист!) и статьи и рецензии 1901–1902 гг. Последние — большей частью политико-экономические, но и другие; например, «Фридрих Ницше и этика “любви к дальнему”» из знаменитого сборника «Проблемы идеализма». Том дополнен «приложениями» — некоторыми письмами С. Л. Франка своим корреспондентам и от них С. Л. Франку, а также копиями двух документов — об окончании гимназии и об окончании университета. Возможно, некоторые эпизоды в этих письмах позабавят современного читателя. Например, 18-летний С. Л. Франк упрекает В. О. Ключевского, что у него «классовая борьба очерчивается часто слабовато», хотя он и признает, что «лучшего толкователя русской истории, кажется, нет».

Книга снабжена также 1) трогательным вступительным словом одного из потомков философа, протодиакона Петра Скорера; 2) предисловием ко всему изданию Г. Е. Аляева, К. М. Антонова и Т. Н. Резвых с обзором напечатанного у нас из наследия Франка и обещанием издателей академически добросовестного исполнения своей задачи; 3) весьма содержательным предисловием к первому тому «С. Л. Франк: жизнь и творчество, 1877–1902», написанным давними исследователями и знатоками его творчества — Г. Е. Аляевым и Т. Н. Резвых. Помимо биографических сведений о мыслителе авторы предлагают читателю два рода теоретических вопросов, возникших в связи с полемикой вокруг трудовой теории ценности у К. Маркса и в связи с франковским освоением Ф. Ницше, открывшим философу реальность духа; 4) точными, выверенными комментариями, которые образцово, как и всегда, сделаны Г. Е. Аляевым и Т. Н. Резвых на более чем ста страницах; 5) указателем имен, опять-таки сделанным столь же точно. К тому же здесь даются не только сведения об ученых, занимавшихся проблемами, через которые прошел С. Л. Франк 1877–1902 гг., но и прилагается приличествующая ситуации библиография их работ; 6) указателем, т. е. переводом, 45 иностранных слов и выражений — от *a limine* до *vice versa*!

Говорить в подлежащей рецензии о вкладе С. Л. Франка в русскую культуру, в русскую философию было бы ненужным. Знающие знают, а кто не знает, пусть захотят узнать.

Предпринятые за последнее время десятилетия (после перестройки) издания полного собрания сочинений русских мыслителей — К. Леонтьева, В. Розанова, И. Ильина, В. С. Соловьева да и других, можно, наверное, рассматривать как продолжение советской работы по изданию сочинений В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского (естественно, с учетом разницы социально-культурных времен), но еще больше — как попытки самоутверждения русской философской культуры.

Мучают два вопроса: почему же так длителен этот процесс? И другой: не рано ли? Вырос ли у нас такой уровень восприятия культуры, при каком С. Л. Франк был бы востребован так же, как востребована классическая русская литература? Ответить следует предположительно и в таком духе: если долгие попытки самоутверждения происходят, то, возможно, появился класс людей, кому это нужно. Однако будем осторожны — время покажет.

Большая благодарность всем, кто начал это великое предприятие, и пожелание его успешного завершения!

2

Прочитанное Вами было подготовленной для второго номера «Вестника» Русской христианской гуманитарной академии рецензией-откликом к «на днях вышедшему» первому тому С. Л. Франка. Но по каким-то, конечно же, техническим причинам рецензия-отклик в нужный номер не попала, а к осени, к сентябрю, появился уже и второй том сочинений С. Л. Франка. Автор решил несколько изменить название, добавив в него слова «и второго», продолжив рецензирование соответственно изменившимся обстоятельствам. Второй том открывает нам еще одну часть большого наследия (девятнадцать книг и брошюр

различного объема и содержания, более двухсот статей и более ста рецензий, разного рода предисловия и послесловия к чужим текстам, а, помимо того, рукописное наследие и переписка) С. Л. Франка-мыслителя, книги которого В. В. Зеньковский назвал «образцовыми».

3

(Франк С. Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: 1903–1907 / Под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых; предисл. к тому Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. — 768 с.)

Все достоинства работы публикаторов наследия С. Л. Франка сохранены при подготовке второго тома — все те же точные, выверенные комментарии, занявшие более ста страниц, все та же исчерпывающая информация об упомянутых в текстах С. Л. Франка именах, все те же точные библиографические отсылки. Как и в первом томе, во втором есть свои «Приложения». Ими стали программы курсов «Основные вопросы философии», «Истории новой философии» и «Логики общественных наук», которые С. Л. Франк читал на Историко-философских и юридических курсах при женской гимназии М. Н. Стоюниной. Интересно, что в курсе «Основные вопросы философии» заключительной лекцией была об «Идее личности в современной философии», а последним вопросом этой лекции значится «Идея личности и смысл жизни». Помимо этого, в «Приложения» вошли материалы о том, как было прекращено издание «Полярной звезды» П. Б. Струве.

Вступительная статья Г. Е. Аляева, К. М. Антонова и Т. Н. Резвых «С. Л. Франк: жизнь и творчество. 1903–1907» состоит из шести небольших главков. Первая главка биографическая — «Годы поиска и скитаний», а прочие характеризуют направленность идейных интересов С. Л. Франка — а) политика, б) политика и культура, в) личность, интеллигенция и общество, г) социальная психология, наконец, д) религия и философия; в главках отмечается достигнутый С. Л. Франком уровень понимания этих проблем.

Но, кажется, об итоговом уровне понимания всех названных здесь интересов можно было бы сказать определеннее. Я говорю о достигнутом С. Л. Франком веховском сознании, т. е. о такой социально-культурной и общественно-политической позиции, согласно которой не «самодовлеющие начала политического порядка», а «внутренняя жизнь личности является единственным прочным базисом для всякого общественного строительства». Мировоззренческая ценность этого результата делает его главным для самого С. Л. Франка и для тех, кто изучает его жизнь и творчество.

Что касается достигнутого уровня в философском движении С. Л. Франка, то авторы написали о нем так: «Завершающие данный том работы 1906–1907 гг. вроде бы еще не дают прямых свидетельств того метафизического поворота, который явно определится в мировоззрении Франка уже в 1908–1910 гг. и через несколько лет приведет к созданию абсолютного реализма». С. Л. Франк-философ еще находится в пути. «Эпоха неверующей юности» явно подходит к концу, хотя «более точное религиозное и философское самосознание мыслителя, равно как и развитие им собственной позиции здесь только начинается...» При этом свой вывод авторы подкрепляют ссылками на три выступления

С. Л. Франка. Во-первых, на статью 1906 г. «К вопросу сущности морали», читая которую можно понять, «как углубляется философское осмысление конкретных проблем (например, предпосылок деспотизма), как расширяется историко-философское и теоретическое понимание философии вообще — наряду с теорией познания (в которой еще доминирует критицизм) и этикой (где еще основное внимание привлекает моральное учение Ницше)». Она уже включает «философию религии» и «проблему метафизики», как в качестве новых мировоззренческих ориентиров появляются моральное и религиозное учение Шейермахера и «жизненная философия Гёте». Другое выступление — это напечатанная в «Русской мысли» (№ 3 за 1907 г.) статья «Философские предпосылки деспотизма», где С. Л. Франк на место двух моральных принципов Ницше — «любви к ближнему» и «любви к дальнему» — уже определенно ставит основные нравственные мотивы, которые выражены в «двух евангельских заповедях любви к Богу и любви к ближнему». Наконец, третье выступление — это его участие в дискуссии по докладу С. А. Аскольдова «О старом и новом религиозном сознании», который состоялся 3 октября 1907 г в Санкт-Петербургском Религиозно-философском обществе. Авторы подчеркнули, что здесь С. Л. Франк впервые публично осмысливает проблему теодицеи.

Согласимся, что искать начала столь деликатной направленности ума и сердца, а именно религиозно-философской — очень трудно. Легко смешать психологические, социально-культурные и даже философско-теоретические мотивации и соображения. Можно сказать «Бог», а думать об Абсолютной ценности, об идеале, высшей моральной ценности, об абсолютной святине, о голосе высшей правды и т. п., что С. Л. Франк и делает как в «Философских предпосылках деспотизма», так и в выступлении по докладу С. А. Аскольдова. Авторы ставят в заслугу С. Л. Франку то, что на заседании 3 октября 1907 г. он публично осмысливает теодицею с точки зрения «первоначального смысла христианского учения», согласно которому «все в известном смысле есть благо». При желании здесь, конечно, можно увидеть некоторое движение С. Л. Франка вперед, т. е. к своей религиозной философии. Но его выступление позволяет взглянуть на дело по иному: светски мыслящий человек (С. Л. Франк предупредил об этом) предполагает, что в первоначальном христианстве не было манихейства и оттого не было проблемы теодицеи, неразрешимой для традиционного религиозного сознания. Социологически мыслящий читатель, пожалуй, добавит, что веховцу и эволюционисту С. Л. Франку очень нужно, чтобы в мире присутствовала всепримиряющая сила и чтобы не было теодицей, провоцирующих бунты и революции. Только и всего. Нужно ли видеть в этом робкие начала религиозности С. Л. Франка?

Всем известно, что без критических претензий к рецензируемой книге ни одной рецензии не может быть. И у рецензента имеются свои замечания. Во-первых, было бы правильным пояснить хронологические границы тома — 1903–1907 гг. То пояснение, что дано в аннотации — «период политической публицистики, увлечения неокантианством и социальной психологией», — совершенно недостаточно. Если речь идет о политической позиции С. Л. Франка, то она и в дальнейшем не изменялась. Он всегда был веховцем и кадетом. Если все же мы говорим о становлении С. Л. Франка-мыслителя, то непонятно, почему

содержание тома «обрывается», когда движение его к собственной позиции уже началось? Логически выверенная точка, которая определила бы содержательные рамки тома, отсутствует. Том должен быть продолжен до какого-то Рубикона.

Авторы заканчивают свою статью упоминанием о выступлении С. Л. Франка на диспуте 3 октября 1907 г. в Санкт-Петербургском Религиозно-философском обществе по докладу С. А. Аскольдова «О старом и новом религиозном сознании». Может быть, оно и является искомым Рубиконом? Но тогда тем более жаль, что в статье отсутствует какая-либо аналитика религиозно-общественного движения, известного под именем «нового религиозного сознания». Уже отшумели Религиозно-философские собрания, уже оттремело Христианское братство борьбы, уже в Москве создано Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева — и все это С. Л. Франка не коснулось? Нет, разумеется, у авторов кое-какие факты этого явления названы и упомянуты на страницах 10, 11, (называются журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни», приводятся воспоминания А. В. Карташёва о встрече с С. Л. Франком), 29 (снова речь идет о «Новом пути»), 53 (об оценке сборника «Свободная совесть» и о выступлении С. Л. Франка в Петербургском Религиозно-философском обществе), 54 (о «Грядущем Хаме» Д. С. Мережковского). Но эти факты не связаны один с другим, не обобщены, а без обобщения они незначительны и не дают понять куда, в каком направлении влеклось сознание С. Л. Франка. Поэтому даже выступление С. Л. Франка по докладу С. А. Аскольдова выглядит непонятным: шел-шел молодой мыслитель по Чернышёву переулку, остановился у дома 2, решил заглянуть на огонек, а попал на заседание. Авторы не могут не признать, что пояснений этого эпизода на с. 593–600 (т. е. в «Комментариях»), как бы они ни были хороши, совершенно недостаточно. Огорчает также отсутствие хотя бы упоминания о том, как П. Б. Струве стал возглавлять «Русскую мысль» (хотя бы в «Комментариях»). Возглавление этого журнала — факт не только биографии П. Б. Струве, но и русской жизни (вспомним «Великую Россию») и, наверное, биографии С. Л. Франка.

Имеются совершенно пустяковые замечания. Нехорошо название одного раздела во вступительной статье: «Годы поисков и скитаний». Скитаться — значит странствовать без цели, вести бродячий образ жизни... Этого у С. Л. Франка не было... Другое замечание — нужно ли сборник «Свободная совесть» именовать неославянофильским, даже имея в виду экзотический коллектив его авторов?. И последнее: зная о возлагаемых на «Вопросы жизни» надеждах Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, не упомянуть ли о таких надеждах в рассказе об участии С. Л. Франка в этом журнале?

Но будем благодарны публикаторам за проделанную ими титаническую работу и ждать третьего тома.